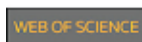

Боднарук Е. В. Репрезентация семантики будущего времени в русской и немецкой лингвокультурах : анализ грамматических форм / Е. В. Боднарук, В. В. Бейм // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-9-27.

Bodnaruk, E. V., Beim, V. V. (2021). Representation of Future Tense Semantics in Russian and German Linguocultures: Analysis of Grammatical Forms. *Nauchnyi dialog*, 11: 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-9-27

Репрезентация семантики будущего времени в русской и немецкой лингвокультурах: анализ грамматических форм

Боднарук Елена Владимировна
orcid.org/0000-0003-4405-4513
доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой немецкой
и французской филологии
e.bodnaruk@narfu.ru

Бейм Виктория Валерьевна
orcid.org/0000-0002-2043-4995
кандидат филологических наук, доцент
кафедра немецкой
и французской филологии
beym.viktoriya@mail.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Representation of Future Tense Semantics in Russian and German Linguocultures: Analysis of Grammatical Forms

Elena V. Bodnaruk
orcid.org/0000-0003-4405-4513
Doctor of Philology, Associate Professor
Head of the Department of German
and French Philology
e.bodnaruk@narfu.ru

Viktoriia V. Beim
orcid.org/0000-0002-2043-4995
PhD in Philology, Associate Professor
Department of German
and French Philology
beym.viktoriya@mail.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

© Боднарук Е. В., Бейм В. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются лингвокультурные особенности репрезентации грамматического будущего времени в русском и немецком языках. Представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа грамматических форм с семантикой будущего времени. Материалом для эмпирического исследования послужила прямая речь в художественных произведениях, из которой методом сплошной выборки были извлечены примеры с граммемами будущего времени. Особое внимание уделяется сопоставлению грамматических форм будущего времени в русском и немецком языках: в обоих языках имеются две грамматические формы с основным и две формы с вторичным значением футуральности. Отмечается, что обнаруживается сходство в семантике, строении и частотности между будущим несовершенным и футуром I, с одной стороны, и будущим совершенным и футуральным презенсом — с другой. Привлечены к рассмотрению данные исторического развития грамматических форм. Новизна исследования видится в том, что в работе делается предположение о возможном влиянии особенностей культурного развития носителей немецкого и русского языков на сформировавшиеся с течением времени расхождения в системе грамматических форм футуральности данных языков.

Ключевые слова:

грамматические формы с семантикой будущего времени; индикатив; прямая речь; русский язык; немецкий язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The linguocultural features of the representation of the grammatical future tense in the Russian and German languages are analyzed in the article. The results of a comparative analysis of grammatical forms with the semantics of the future tense are presented. The material for empirical research was the direct speech of works of art, from which examples with grammemes of the future tense were extracted by the method of continuous sampling. Special attention is paid to the comparison of the grammatical forms of the future tense in Russian and German languages: in both languages there are two grammatical forms with a primary and two forms with a secondary meaning of futurity. It is noted that there is a similarity in semantics, structure and frequency between the future imperfect and future I, on the one hand, and the future perfect and futural present, on the other. The data of the historical development of grammatical forms are brought into consideration. The novelty of the research is seen in the assumption made in the work about the possible influence of the peculiarities of the cultural development of the speakers of the German and Russian languages on the discrepancies formed over time in the system of grammatical forms of futurity of these languages.

Key words:

grammatical forms with future tense semantics; indicative; direct speech; Russian language; German language.

Репрезентация семантики будущего времени в русской и немецкой лингвокультурах: анализ грамматических форм

© Боднарук Е. В., Бейм В. В., 2021

1. Введение

Одной из важнейших характеристик времени является его ориентация на культуру. Время представляется «системообразующим компонентом культуры» [Ильинская, 2017, с. 4], его универсалией. В качестве универсалии культуры время понимается как онтологическая и экзистентная константа человеческого бытия, фундаментальная категория картины мира. Восприятие времени индивидом зависит от того, как устроен и функционирует социум, в котором данный индивид находится. Культурологи говорят в этой связи о темпоральной модели культуры, которая «формируется постепенно с развитием общества и имеет свою структуру, уровни восприятия и специфику, обусловленные целым рядом факторов» [Там же, с. 9]. Темпоральная модель культуры определенным образом отражается в языке индивида. Наиболее значимым языковым отражением времени является глагольное время, представленное системой грамматических форм.

В данной работе предпринимается попытка рассмотрения лингвокультурных особенностей репрезентации времени на примере анализа грамматических форм с семантикой будущего в русском и немецком языках. Материалом для эмпирического исследования послужили художественные произведения, из которых методом сплошной выборки извлечены примеры с формами будущего времени.

Будущее время является онтологически, гносеологически и аксиологически значимым феноменом. На него строят планы, с ним связаны желания, надежды и мечты человека. Будущее являет собой цель человеческого существования. В отличие от уже ушедшего прошлого и быстротечного настоящего будущее — как то, что еще предстоит — видится человеку временем, подверженным влиянию. Вместе с тем оно таит в себе и некую неопределенность, обусловленную невозможностью его верификации в момент речи. Все эти особенности будущего времени позволяют человеку по-разному относиться к нему. Видимо, поэтому в большинстве языков мира существует значительное количество средств выражения футуральности, варьирующихся в зависимости от вида речи, дискурса и интенций говорящего. Основными глагольными выразителями будущего времени в сопоставляемых языках являются индикативные грамматические формы

прямой речи. В связи с этим оправданным представляется их выбор для проведения исследования.

2. Система грамматических форм будущего времени в русском языке

В русской прямой речи значение будущего может передаваться несколькими грамматическими формами. При этом речь идет не о временных, а о видовременных формах, поскольку видовое противопоставление играет существенную роль в строении системы времен русского языка. Главными способами передачи значения будущего являются форма будущего несовершенного вида (*буду открывать*) и форма будущего совершенного вида (*открою*). Значение будущего времени у данных форм определяется как основное, например [Бондарко, 1971, с. 50].

Исследователями было отмечено, что форма будущего несовершенного обозначает действие, которое совершится в будущем, без какого-либо отношения к настоящему, например [Виноградов, 2001, с. 463; Пospelов, 1955, с. 243], в то время как в формах будущего времени совершенного вида «осуществляется своеобразный синтез временных значений настоящего и будущего времени» [Пospelов, 1955, с. 230]. Однако соединение настоящего и будущего времени в семантике формы будущего совершенного проявляется далеко не всегда. Об этом, к примеру, писал А. В. Бондарко, выделявший два значения формы будущего времени совершенного вида: 1) значение будущего, вытекающего из настоящего и 2) значение будущего, не связанного с настоящим. Выражение первого значения ограничено ситуацией или контекстом, содержащими указание на то, что действие в своем начале относится к настоящему: *Он сейчас доиграет*. «Если таких ограничений нет, то рассматриваемая форма выражает действие, целиком отнесенное к будущему: *Садись, я тебе сейчас сводку всех писем продиктую*» [Бондарко, 1971, с. 57—58].

Обозначение обеих форм указывает на их различие в аспектуальном плане. Отмечается, что будущее время совершенного вида «представляет предстоящее действие как завершенное», в то время как будущее время несовершенного вида «представляет длительное действие как предстоящее в будущем» [Абрамов, 2001, с. 239].

Если завершенность действия, выраженного будущим совершенного вида, обычно не ставится под сомнение, то в отношении будущего несовершенного вида высказывается и другое мнение. Так, Ю. П. Князев выделяет четыре значения будущего времени несовершенного вида: 1) начинательность; 2) намерение; 3) неполный контроль, отсутствие уверенности в том, что действие произойдет; 4) итеративность [Князев, 2014, с. 56—63]. Думается, что различие между сравниваемыми формами в аспектуальном

плане заключается в том, что формы будущего несовершенного вида могут акцентировать внимание на начальной либо срединной фазе действия, формы же будущего времени совершенного вида — на его конечной фазе.

Наряду с грамматическими формами будущего совершенного и несовершенного вида для обозначения предстоящего действия используются также формы настоящего несовершенного и прошедшего совершенного вида. Выражение будущего времени не является у этих форм основным значением. «Форма настоящего времени в этом случае выражает готовность действия совершиться или потенциальное наличие ближайшего будущего действия. Эти оттенки значения формы настоящего времени возникают на основе субъективного представления будущего как уже осуществляющегося, реализующегося в сознании субъекта» [Виноградов, 2001, с. 465]. Генетическая связь с семантикой настоящего времени проявляется в основных разновидностях значения формы настоящего несовершенного вида при выражении будущего, обозначенных А. В. Бондарко следующим образом: 1) настоящее намеченного действия; 2) настоящее воображаемого действия. В настоящем времени намеченного действия форма несовершенного вида выражает намеченное, запланированное действие, зависящее от воли субъекта: *Мы нынче обедаем у Разумовского — сказал он* (Л. Никулин) [Бондарко, 1971, с. 154]. Настоящее воображаемого действия представляет собой особую разновидность значения формы настоящего времени. В нем говорящий полностью переносится в будущее, которое в его воображении становится настоящим: *«Об чем бишь я думал? Да! Ну уж, конечно, они меня посадят с самым важным гостем ... Ну, знакомлюсь, разумеется, с молодой, хвалю ее, ободряю гостей»* [Там же, с. 154—158].

Употребление формы прошедшего времени совершенного вида в контексте будущего сильно ограничено. Будущее действие представляется в этом случае так, как будто оно уже осуществилось. М. Я. Гловинская выделяет следующие значения форм прошедшего времени совершенного вида в контексте будущего: 1) говорящий сообщает о своем намерении совершить действие: *Всё, я побежал*; 2) будущее воспринимается говорящим как неизбежное следствие некоего события: *Нас окружили немцы. Шлите помощь. Иначе мы погибли!* (В. Ставский); 3) говорящий презрительно или иронически отрицает будущее действие: *Как же! Пошла я за него замуж!* [Гловинская, 2001, с. 169—174].

3. Система грамматических форм будущего времени в немецком языке

Для выражения будущего времени в немецкой прямой речи служат следующие временные формы: футур I, футур II, презенс, перфект.

Футур I и футур II традиционно рассматриваются как грамматические формы, основное значение которых — выражение будущего. Форма футура I используется для выражения будущего, следующего за моментом речи; форма футура II выражает будущее, завершённое к определенному моменту в будущем либо предшествующее другому действию в будущем [Duden, 2006, S. 514—516]:

Футур I: *Ich werde zu dir heute kommen.*

Футур II: *Nachdem ich gekommen sein werde, werden wir Tee trinken.*

Будущее время в немецком языке может быть выражено также формами презенса и перфекта, у которых данное значение не является основным. Несмотря на это, обе формы составляют успешную конкуренцию специализированным формам будущего времени. Презенс используется синонимично футуру I, а перфект — футуру II, например: [Heinold, 2015, S. 95—98]:

Презенс: *Ich komme zu dir heute.*

Перфект: *Nachdem ich gekommen bin, werden wir Tee trinken.*

В лингвистической литературе можно встретить следующие замечания относительно конкуренции футура I и футурального презенса, например, в работах [Боднарук, 2016, с. 25—31; Latzel, 2004, S. 100—102; Thieroff, 1992, S. 127—130]:

(1) Презенсу чаще приписывается значение уверенности говорящего в том, что действие произойдет, а футуру I — значение неуверенности.

(2) Презенс используется чаще для выражения ближайшего будущего, футур I — отдаленного.

(3) Презенс выражает планируемые и, следовательно, контролируемые действия, футур I — действия или события, которые не могут контролироваться говорящим.

(4) Презенс может использоваться в любых типах предложений, в то время как футур I исключен в придаточных предложениях цели и условия, в придаточных предложениях в функции дополнения после глаголов, обозначающих желание, намерение или приказ, очень редок в придаточных времени, следствия и некоторых других придаточных.

(5) Футур I используется чаще в официальной, презенс — в неофициальной речи.

Как отмечалось выше, футур II и футуральный перфект также являются конкурирующими формами. Обычно формулируются следующие различия между данными формами (см. [Боднарук, 2016, с. 31—35; Thieroff, 1992, S. 201; Welke, 2005, S. 445]):

(1) Перфект используется чаще в придаточных предложениях для обозначения будущего действия, предшествующего другому будущему действию, футур II — чаще в простых предложениях.

(2) Перфект, в отличие от футура II, обычно лишен значения предположительности.

(3) Перфект предпочтителен в обиходно-разговорной устной речи, футур II употребляется чаще в письменной, официальной речи.

В целом тенденции в выборе конкурирующих форм в парах футур I vs. презенс и футур II vs. перфект соотносимы как с точки зрения выражения модальности, так и в плане регистра использования, структурного типа предложения.

Среди перечисленных особенностей использования форм можно выделить факторы, которые строго соблюдаются, приобретая характер закономерностей (например, когда речь идет об определенных типах придаточного предложения, в которых не используется футур). Однако большинство факторов имеют нестрогий характер и не всегда учитываются говорящим при выборе форм.

4. Сравнительный анализ использования грамматических форм с семантикой будущего времени в русском и немецком языках

Далее представим результаты эмпирического анализа грамматических средств выражения футуральности в сопоставляемых языках, произведенного методом сплошной выборки. Материалом для анализа в русском языке послужили три романа современных авторов: Л. Улицкой «Медея и ее дети», Т. Устиновой «Камея из Ватикана» и О. Роя «Писатель и балерина» (табл. 1):

Таблица 1

Грамматические формы с семантикой будущего времени
в русском языке

Авторы	Будущее несовершенное	Будущее совершенное	Настоящее несовершенное	Прошедшее совершенное	Общее кол-во
Л. Улицкая	19 (9,9 %)	156 (81,8 %)	6 (3,1 %)	10 (5,2 %)	191
Т. Устинова	52 (7,8 %)	602 (89,7 %)	15 (2,2 %)	2 (0,3 %)	671
О. Рой	20 (10,2 %)	174 (87,8 %)	2 (1 %)	2 (1 %)	198
Всего	91 (8,6 %)	932 (87,9)	23 (2,2 %)	14 (1,3 %)	1060

Для сравнения были взяты три романа немецких писателей К. Хайна «Landnahme», Д. Кельмана «Ruhm» и И. Ноль «Ehrenwort» (табл. 2):

Данные таблиц 1 и 2 свидетельствуют о том, что в каждом языке есть наиболее частотное средство выражения будущего времени. В русском языке это будущее совершенное, составляющее в среднем около 90 % случаев употребления всех грамматических форм будущего времени в прямой

Таблица 2

Грамматические формы с семантикой будущего времени
в немецком языке

Авторы	Футур I	Футур II	Презенс	Перфект	Общее кол-во
К. Хайн	110 (19,4 %)	2 (0,4 %)	445 (78,6 %)	9 (1,6 %)	566
И. Ноль	75 (22,7 %)	—	254 (76,7 %)	2 (0,6 %)	331
Д. Кельман	23 (17,6 %)	—	108 (82,4 %)	—	131
Всего	208 (20,2 %)	2 (0,2 %)	807 (78,5 %)	11 (1,1 %)	1028

речи в подвергнутых анализу художественных произведениях. В немецком языке особенно выделяется своей частотностью презенс (в среднем около 80 % случаев употребления). В русском языке относительно частотной можно считать и форму будущего несовершенного, в немецком же языке второе место по частотности занимает футур I. Остальные формы являются маргинальными средствами выражения будущего времени ввиду их редкого использования.

Соотношение семантики форм будущего времени в прямой речи русского и немецкого языков можно представить следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

Сравнительная характеристика семантики форм будущего времени
в русском и немецком языках

Язык	«Будущее время» — основное значение		«Будущее время» — вторичное значение	
русский язык	будущее несовершенное (буду идти)	будущее совершенное (пойду)	настоящее несовершенное (иду)	прошедшее совершенное (пошёл)
немецкий язык	абсолютное употребление			
	футур I (werde kaufen)		презенс (kaufe)	
	относительное употребление			
		футур II (werde gekauft haben)		перфект (habe gekauft)

Данные таблицы 3 обнаруживают как сходства, так и различия в системах выражения будущего времени русского и немецкого языков. В обоих языках есть две специализированные грамматические формы со значением будущего времени. (Следует отметить, что футур II в последнее

время едва ли не чаще используется не в значении будущего, а в значении предположения о прошлом. Вместе с тем во многих грамматиках немецкого языка он рассматривается как коррелят формы футура I, и первым его значением указывается именно значение относительного (завершенного) будущего [Duden, 2006, S. 516; Eichler et al., 1996, S. 107; Hoffmann, 2016, S. 284 и др.]. В русском языке формы противопоставлены по виду. В немецком языке футур II специализируется на выражении завершенного будущего и в этом плане противопоставлен футуру I, не обладающему явными аспектуальными характеристиками. В немецком языке формы со значением будущего времени противопоставлены также по признаку «выражение абсолютного и относительного времени», поскольку футур II и перфект используются для указания на предшествование одного действия другому в будущем. В этом формы будущего времени немецкого языка существенно отличаются от соответствующих форм русского языка, поскольку в последнем сегодня нет специальных форм для выражения предшествования. Для выражения действия, предшествующего другому действию в будущем, в русском языке обычно используются формы будущего совершенного: «Хочешь, я сумку твою возьму?» — «... Я когда **устану**, тебя попрошу, хорошо?» [Улицкая, 2009, с. 144].

Значение «предшествования действию в будущем» является специфическим и довольно редким. Обычно выражение предшествования при помощи специальных временных форм встречается в немецком языке в придаточных предложениях, а также в тех случаях, когда в повествовании нарушается последовательность действий:

Перфект: “*Und später, wenn wir die Brandstelle **untersucht haben**, wird es sicher noch ein paar Fragen an Sie geben*” [Hein, 2005, S. 41].

К сходствам в выражении будущего времени можно отнести тот факт, что в обоих языках возможно использование форм, у которых данное значение не является основным: форм настоящего и прошедшего времени. Вместе с тем, если в русском языке для выражения будущего времени преимущественно используются специализированные формы будущего времени совершенного и — реже — несовершенного вида, в то время как использование неспециализированных форм имеет существенные ограничения, в немецком языке ситуация противоположная: специализированные формы будущего времени — футур I и футур II — уступают в частотности синонимичным формам презенса и перфекта.

Объяснить преобладание в немецкой прямой речи неспециализированных грамматических форм выражения предстоящего действия можно, с одной стороны, строением данных форм, являющихся более простыми по составу, нежели специализированные формы. Таким образом, в их

предпочтении проявляется принцип языковой экономии. С другой стороны, специализированные формы будущего времени в немецком языке являются в историческом плане довольно «молодыми» в сравнении с другими временными формами. Употребление же неспециализированных форм в значении будущего имеет очень давнюю традицию. В этой связи менее частотные футур I и футур II, в отличие от презенса и перфекта, обладают способностью особо подчеркнуть важность предстоящего действия, указать на его значимость:

Футур I: *“Ich habe Großes im Sinn”, sagte der Alte, “sozusagen das Non-plusultra! Ich werde heiraten!”* [Noll, 2010, S. 123].

Формально футур I и презенс расположены в таблице 3 под формами несовершенного вида, а футур II и перфект — под формами совершенного вида. Поскольку видовое противопоставление в немецком языке отсутствует, можно, на первый взгляд, говорить лишь об аспектуальной маркированности футура II и перфекта, выражающих завершенность действия. Вместе с тем в немецком языке презенс тяготеет к использованию от глаголов, в значении которых есть указание на внутренний предел, границу, цель протекания действия. Футур I также несколько чаще сочетается с предельными глаголами:

Презенс: *“Ich muss jetzt gehen. Wir sehen uns am Nachmittag. Ich hole dich um drei ab, einverstanden?”* [Hein, 2005, S. 144].

Футур I: *“Wenn du willst, kann ich mit meinen Eltern sprechen. Sie werden dir sicher erlauben, bei uns ab und zu mal zu baden”* [Ibid., S. 105].

Согласно нашим подсчетам, предельные глаголы встретились в презенсе в 72 % случаев употребления, в футуре I — в 64 % случаев. Следовательно, презенс в аспектуальном плане соотносится скорее с будущим совершенного вида, чем с настоящим временем несовершенного вида. А футур I мог бы быть расположен в таблице 3 между будущим несовершенного и будущим совершенного вида.

В целом можно говорить о корреляции семантики будущего времени и идеи совершенности / предельности, очевидной не только в немецком, но и в русском языке.

Превалирование форм будущего совершенного в наших эмпирических данных свидетельствует о том, что они представляют собой обычный способ выражения футуральности в русском языке. В этой связи данные формы, к примеру, могут многократно использоваться в рамках одного высказывания: *«Ты иди к Родиону», — сказала она. — «А я полежу, приму душ, вечером увидимся»* [Устинова, 2020, с. 60].

О востребованности в русском языке форм будущего совершенного свидетельствуют структуры типа *пойдем посмотрим, пойдем поедим и*

под.: *Тонечка сунула ноги в чуни и сказала Саше на ухо: «Пойдем посмотрим, он так не отстанет!»* [Там же, с. 183].

Формы же будущего несовершенного вида благодаря своей видовой характеристике и меньшей частотности не просто указывают на предстоящее действие, но выполняют также ряд специфических функций:

а) выражают длительность действия: *«Я тебе потом расскажу», — мстительно пообещала Тонечка, которую послали в аптеку. — «Ты вечером придешь?» — «А вы до вечера ходить будете?»* [Там же, с. 241].

б) указывают на повторяемость действия: *Буся неистовствовала у него на руках ... Морда, уши, лапы — все излучало невиданное, небывалое счастье. — «Я тебя всегда, всегда буду брать с собой», — обещал ей Родион. — «Ты не думай! Я даже в институт тебя буду брать с собой!»* [Там же, с. 226].

в) в ряде случаев могут акцентировать внимание на начальной фазе действия: *«Детективы от настоящего убийцы! Да читатели с ума от восторга сойдут, прилавки будут сметать»* [Рой, 2017, с. 252] (Впрочем, для выражения этого значения в русском языке есть соответствующие лексико-грамматические средства типа *начнут сметать / станут сметать*, более точно передающие идею начинательности).

Немецкий футур I, будучи аналитической формой, способной сочетаться с инфинитивным глаголом не только предельного, но и неопредельного способа действия, также может выражать длительность, повторяемость будущего действия или — иногда — акцентировать внимание на его начальной фазе: *“Irgendwann wirst du auch an der Reihe sein, und dann wirst du betteln wie ich”* [Kehlmann, 2009, S. 64].

Семантическое и внешнее сходство форм будущего несовершенного вида и футура I дает право исследователям говорить о возможной общности их происхождения. У обеих структур вспомогательные глаголы имели первоначально инхоативное значение ‘приступить к действию’. Данная тенденция была характерна и для ряда других славянских языков [Ultan, 1978, p. 110]. В связи с этим В. Абрахам высказал предположение о том, что футур I — заимствование из славянских языков [Abraham, 1989, S. 353, 364]. Э. Ляйс предположила, что данная форма возникла по аналогии с чешской формой будущего времени [Leiss, 1985, S. 251]. Данная версия происхождения футура I в немецком языке скептически оценивается многими исследователями, однако ряд аргументов, приводимых представителями данной теории, имеют под собой некоторые основания.

Определенной внешней и семантической близостью обладают презенс в немецком языке и форма настоящего несовершенного вида в русском. Обе формы имеют синтетическое строение и используются для выражения

будущего, хотя их основным значением является обозначение настоящего. Тем не менее употребление формы настоящего времени вместо будущего в немецком языке распространено значительно больше, чем в русском. Объясняется это может, кроме прочего, тем, что форма настоящего времени в русском языке образуется только от глаголов несовершенного вида, в немецком же языке презенс образуют все глаголы.

Что касается форм прошедшего совершенного вида в русском языке и перфекта в немецком, то они демонстрируют, пожалуй, больше различий, чем общих черт. В русском языке использование формы прошедшего времени совершенного вида для выражения будущего очень ограничено, в то время как в немецком языке форма перфекта относительно частотна в значении завершённого будущего или предшествования в будущем. Сближает обе формы наличие семы завершенности:

Прошедшее совершенное: *«Ну, все **встали, встали!**» — скомандовал Георгий* [Улицкая, 2009, с. 142].

Перфект: *“Und vergiss nicht, wenn die alten Knochen wieder **zusammengewachsen sind**, fahren wir zwei nochmal”* [Hein, 2005, S. 312].

Итак, различия между грамматическими средствами выражения будущего времени касаются в первую очередь так называемого «абсолютного» и «относительного» употребления. В русском языке нет дифференциации форм по данному признаку, в немецком языке существует распределение абсолютных и относительных временных значений между глагольными формами. Второе существенное отличие касается аспектуальных характеристик. В русском языке временные формы с футуральной семантикой противопоставлены по виду, в немецком языке такого противопоставления нет. Впрочем, несмотря на наличие тенденции сочетания как презенса, так и футура I с глаголами предельного способа действия, футур I все же в большей степени предрасположен к выражению длительности и повторяемости действия в будущем, нежели презенс. Третьим существенным отличием является то, что в русском языке футуральность выражается преимущественно формами, основное назначение которых — выражение будущего, в то время как в немецком языке ситуация, скорее, обратная.

5. Историко-культурные аспекты репрезентации будущего времени

Принимая во внимание общность языковой семьи, предположим, что различия у грамматических форм с семантикой будущего в русском и немецком языках сформировались в ходе языковой эволюции под влиянием внутриязыковых и внеязыковых факторов.

Примечателен тот факт, что относительное употребление глагольных форм имело место в общеславянский период, в котором существовала фор-

ма будущего 2-го (или *Futurum exactum*), выражавшегося сочетанием причастия прошедшего времени (на *-ль, -ла, -ло*) с личными формами глагола *буду*. Будущее 2-е употреблялось преимущественно во временных и условных предложениях для обозначения действия, которое должно предшествовать в будущем другому действию [Дурново, 2000, с. 302]. Формы будущего 2-ого сохранялись в русском языке вплоть до XVI века [Колесов, 2005, с. 439]. Относительное временное значение имели также формы перфекта (предшествование в настоящем) и плюсквамперфекта (предшествование в прошлом). *Futurum exactum* и плюсквамперфект со временем исчезли из русского языка. Перфект, как известно, постепенно преобразовался в синтетическую форму прошедшего времени (вместо *ходиль есмь* стали говорить *я ходил*) [Штрекер, 2005, с. 123], утратив глагол-связку и одержав «победу» в конкуренции с другими формами прошедшего времени.

Утрата форм, выражающих предшествование, шла параллельно с формированием категории вида. Еще в древнерусских текстах значение будущего времени могло быть представлено формами настоящего времени предельных глаголов. Идея будущего выражалась также модальными глаголами со значениями пожелания или намерения (*хочю на вы ити*) или фазисными глаголами типа *начьну, иму, стану* [Колесов, 2005, с. 406—411]. Впоследствии, благодаря развившемуся противопоставлению несовершенного и совершенного видов, за формами настоящего времени несовершенного вида закрепилось значение настоящего времени, а формы настоящего времени совершенного вида начали регулярно выражать будущее время [Там же, с. 506]. Развитие аналитического будущего времени также связано с развитием видовых отношений. Его образование происходит путем соединения глагола *буду* с инфинитивом глагола несовершенного вида. Формирование будущего времени несовершенного вида относится к XI—XIV векам, а широкое распространение оно получает с XV века [Дурново, 2000, с. 302; Штрекер, 2005, с. 125]. В немецком языке ситуация иная. В общегерманский период и в начале древневерхненемецкого периода было лишь два глагольных времени: настоящее (*Präsens*) и прошедшее простое (*Präteritum*) [Жирмунский, 2015, с. 247]. Будущее время передавалось преимущественно формами презенса или конструкциями с модальными глаголами. В древневерхненемецком начинают формироваться аналитические формы прошедшего времени: перфект и плюсквамперфект, выражавшие в том числе относительное временное значение предшествования [Sonderegger, 2003, S. 336]. Со средневерхненемецкого периода начинается формирование футура I, а с XVI века — футура II [Schmidt, 2004, S. 346]. Таким образом, в то время как в русском языке наблюдается свертывание и затем полное вытеснение грамматических форм времени с относительным значением, в немецком языке,

наоборот, происходит формирование таких форм. В результате сегодня в немецком языке имеется три временных формы, выражающих предшествование: перфект, плюсквамперфект и футур II.

На сформировавшиеся с течением времени расхождения в системе грамматических форм футуральности в русском и немецком языках определенный отпечаток могли наложить особенности культуры носителей данных языков. Несмотря на то, что сущностные характеристики времени обычно воспринимаются людьми, независимо от их национальности, одинаковым или схожим образом, нельзя не отметить, что национальная культура во многом определяет восприятие базовых концептов, в том числе и времени. Согласно кросс-культурным исследованиям, в первую очередь работам американского антрополога Э. Т. Холла, существуют определенные типы культур, каждая из которых имеет свой «язык времени», включающий в себя жизненный ритм культуры (ускоренный или замедленный), отношение к планированию, временную перспективу (ориентацию на прошлое, настоящее или будущее) и деление времени («монокронная» и «полихронная» система времени) [Куликова, 2020, с. 113—116; Hall, 1959, p. 23—41; Hall, 1976, p. 17—24]. Анализ типов культур, проведенный вслед за Э. Т. Холлом также Е. А. Ильинской, Л. В. Куликовой и рядом других исследователей [Ильинская, 2017; Куликова, 2020], свидетельствует о том, что у носителей разных языков постепенно развивается свой «язык времени», проявляющийся в специфичности национально-культурного языкового мышления. Так, согласно Л. В. Куликовой, представители немецкой культуры в большей степени демонстрируют черты «монокронной» системы времени, согласно которой действия совершаются всегда последовательно, больше проявляется ориентация на будущее и, соответственно, большее значение придается планированию. В свою очередь представители русской культуры принадлежат скорее «полихронной» системе времени, в которой несколько действий вполне может производиться одновременно, в меньшей степени выражена ориентация на будущее, а планирование не играет столь значимой роли [Куликова, 2020, с. 182—187]. Названные особенности в определенной степени могут объяснить ряд различий в структуре темпоральных систем сопоставляемых языков, например, наличие в немецком языке глагольных форм с семантикой предшествования и их исчезновение в русском языке. Формы со значением предшествования способствуют большему упорядочиванию темпоральных отношений. В этом смысле система форм будущего времени немецкого языка оказывается ближе к так называемой «универсальной модели временной системы», разработанной О. Есперсеном и доработанной Г. Рейхенбахом, включающей в себя значения предбудущего, будущего и после-

будущего [Боднарук, 2018, с. 34]. (Примечательно, что в немецкоязычном интернете зафиксированы единичные окказионально используемые формы «двойного футура I» в значении «послебудущее» (*Viele Gegner, mit denen Du spielen werden wirst, werden sich unfair verhalten*) [Rothstein, 2013, S. 217], еще не вошедшего в грамматики немецкого языка). Более серьезное отношение представителей немецкой культуры к планированию в какой-то мере может объяснять значительно бóльшую востребованность в немецком языке форм настоящего времени для выражения будущего, нежели в русском языке.

6. Выводы

Подводя итог рассмотрению форм будущего времени в русском и немецком языках, отметим как сходства, так и различия в их строении, семантике и употреблении. В обоих языках имеются две грамматические формы, у которых будущее время является основным значением, и две формы с вторичным значением футуральности. В русском языке в отличие от немецкого формы с основным значением будущего времени являются наиболее частотными и различаются видовыми характеристиками. Будущее совершенное больше акцентирует внимание на конечной фазе действия (идея завершенности), в то время как будущее несовершенное — на срединной фазе (выражение длительности либо итеративности) или начальной фазе (выражение инхоативности). При этом особенно высокой частотностью при выражении футуральности отличаются формы будущего совершенного. Формы с вторичной семантикой футуральности имеют ограничения в употреблении ввиду того, что значение будущего перекликается у них с первичной семантикой. При этом настоящее несовершенное в большей степени выражает будущее запланированное, в то время как прошедшее совершенное — будущее императивное. В немецком языке представлены две пары конкурирующих форм: футур I vs. презенс и футур II vs. перфект. Вторая пара отличается семантикой предшествования в сочетании с семой завершенности в будущем и имеет низкую частотность. Первая пара служит в первую очередь выражению более распространенного абсолютного будущего. При этом следует отметить значительно бóльшую частотность форм презенса для выражения будущего в сравнении с формами футура I. Обнаруживается также определенное сходство в семантике, строении и в частотности между будущим несовершенным и футуром I, с одной стороны, и будущим совершенным и футуральным презенсом — с другой. В русском языке в отличие от немецкого нет специальных форм с семантикой предшествования. Однако благодаря видовым характеристикам выражение предшествования одного действия другому в будущем берет на

себя форма будущего совершенного. Выявление сходств и отличий сравниваемых грамматических форм позволяет понять особенности функционирования сопоставляемых языков при экспликации семантики будущего времени, в том числе становится возможным сделать предположение об определенной степени зависимости использования грамматических форм времени от национально-специфических характеристик культуры носителей русского и немецкого языков.

Источники

1. *Рой О.* Писатель и балерина / О. Рой. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — ISBN 978-5-699-97298-2.
2. *Улицкая Л.* Медя и ее дети / Л. Улицкая. — Москва : Эксмо, 2009. — 576 с. — ISBN 5-699-06364-1.
3. *Устинова Т.* Камея из Ватикана / Т. Устинова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — ISBN 978-5-04-117507-8.
4. *Hein Ch.* Landnahme / Ch. Hein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2005. — 383 S. — ISBN 978-3518457290.
5. *Kehlmann D.* Ruhm / D. Kehlmann. — Hamburg : Rowohlt, 2009. — 203 S. — ISBN 783498035433.
6. *Noll I.* Ehrenwort / I. Noll. — Zürich : Diogenes, 2010. — 336 S. — ISBN 978-3257067606.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Б. А.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков / Б. А. Абрамов. — Москва : ВЛАДОС, 2001. — 288 с.
2. *Боднарук Е. В.* Категория футуральности в немецком языке : монография / Е. В. Боднарук. — Архангельск : САФУ, 2016. — 152 с. — ISBN 978-5-261-01167-5.
3. *Боднарук Е. В.* Будущее время и средства его экспликации в немецком языке / Е. В. Боднарук // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 53. — С. 32—47.
4. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А. В. Бондарко. — Москва : Просвещение, 1971. — 239 с.
5. *Виноградов В. В.* Русский язык / В. В. Виноградов. — Москва : Русский язык, 2001. — 720 с. — ISBN 5-200-03017-X.
6. *Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола / М. Я. Гловинская. — Москва : «Русские словари», «Азбуковник», 2001. — 320 с. — ISBN 5-93786-020-9.
7. *Дурново Н. Н.* Избранные работы по истории русского языка / Н. Н. Дурново. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 780 с. — ISBN 5-7859-0097-1.
8. *Жирмунский В. М.* История немецкого языка / В. М. Жирмунский. — Москва : URSS, 2015. — 416 с. — ISBN 978-5-9710-1655-7.
9. *Ильинская Е. А.* Образ и концепт времени как факторы генезиса и динамики культурных систем : автореферат диссертации ... доктора культурологии : 24.00.01 / Е. А. Ильинская. — Санкт-Петербург, 2017. — 41 с.

10. Князев Ю. П. Воздействие референции к будущему на противопоставление видов в русском языке / Ю. П. Князев // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. — 2014. — Т. 10 (2). — С. 43—70.
11. Колесов В. В. История русского языка / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Академия, 2005. — 672 с. — ISBN 5-8465-0174-5.
12. Куликова Л. В. Коммуникация. Стилль. Интеркультура : прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению / Л. В. Куликова. — Москва : ИНФРА-М ; Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2020. — 268 с. — ISBN 978-5-7638-2183-3.
13. Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке / Н. С. Поспелов // *Исследования по грамматике русского литературного языка : сборник статей*. — Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1955. — С. 206—246.
14. Штрекер Н. Ю. Современный русский язык : Историческое комментирование / Н. Ю. Штрекер. — Москва : Академия, 2005. — 240 с. — ISBN 5-7695-1837-5.
15. Abraham W. Futur-Typologie in den germanischen Sprachen / W. Abraham // *Tempus — Aspekt — Modus* / Hrsg. von W. Abraham und Th. Janssen. — Tübingen : Niemeyer, 1989. — S. 345—387.
16. Duden. Die Grammatik / Duden. — Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2006. — 1343 S. — ISBN 9783411040476.
17. Eichler W. Deutsche Grammatik. Form, Leistung und Gebrauch der Gegenwartssprache / W. Eichler, K.-D. Bunting. — Weinheim : Beltz Athenäum Verlag, 1996. — 313 S.
18. Hall E. T. The silent language / E. T. Hall. — Garden City ; New York, 1959. — 240 p.
19. Hall E. T. Beyond Culture / E. T. Hall. — Garden City ; New York : Anchor Press, 1976. — 298 p.
20. Heinold S. Tempus, Modus und Aspekt im Deutschen / S. Heinold. — Tübingen : Narr, 2015. — 198 S. — ISBN 978-3-8233-6867-0.
21. Hoffmann L. Deutsche Grammatik / L. Hoffmann. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2016. — 647 S. — ISBN 9783503170524.
22. Latzel S. Der Tempusgebrauch in deutschen Dramen und Hörspielen / S. Latzel. — München : IUDICIUM, 2004. — 139 S. — ISBN 3891297963.
23. Leiss E. Zur Entwicklung des neuhochdeutschen analytischen Futurs / E. Leiss // *Sprachwissenschaft*. — 1985. — Bd. 10. — Heft 3/4. — S. 250—273.
24. Rothstein B. Doppeltes Futur im Deutschen? Ergebnisse aus einem Kurzfragebogen / B. Rothstein // *Deutsch als Fremdsprache*. — 2013. — Heft 4. — S. 215—221.
25. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache / W. Schmidt. — Stuttgart : S. Hirzel Verlag, 2004. — 410 S. — ISBN 3-7776-1277-4.
26. Sonderegger S. Althochdeutsche Sprache und Literatur / S. Sonderegger. — Berlin, New York : W. de Gruyter, 2003. — 390 S. — ISBN 3-11-017288-7.
27. Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen : Tempus — Modus — Distanz / R. Thieroff. — Tübingen : Narr, 1992. — 316 S.
28. Ultan R. The nature of future tenses / R. Ultan // *Universals of human languages*. — 1978. — Vol. 3. — Pp. 83—128.
29. Welke K. Tempus im Deutschen : Rekonstruktion eines semantischen Systems / K. Welke. — Berlin ; New York : De Gruyter, 2005. — 522 S. — ISBN 3-11-018394-3.

MATERIAL RESOURCES

- Hein, Ch. (2005). *Landnahme*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 383 S. ISBN 978-3518457290. (In Germ.).
- Kehlmann, D. (2009). *Ruhm*. Hamburg: Rowohlt. 203 S. ISBN 783498035433. (In Germ.).
- Noll, I. (2010). *Ehrenwort*. Zürich: Diogenes. 336 S. ISBN 978-3257067606. (In Germ.).
- Roy, O. (2017). *Writer and ballerina*. Moscow: Publishing House "E". 352 p. ISBN 978-5-699-97298-2. (In Russ.).
- Ulitskaya, L. (2009). *Medea and her children*. Moscow: Eksmo. 576 p. ISBN 5-699-06364-1. (In Russ.).
- Ustinova, T. (2020). *Cameo from the Vatican*. Moscow: Eksmo. 320 p. ISBN 978-5-04-117507-8. (In Russ.).

REFERENCES

- Abraham, W. (1989). Futur-Typologie in den germanischen Sprachen. In: *Tempus — Aspekt — Modus*. Tübingen: Niemeyer. 345—387. (In Germ.).
- Abramov, B. A. (2001). *Theoretical grammar of the German language. Comparative typology of German and Russian languages*. Moscow: VLADOS. 288 p. (In Russ.).
- Bodnaruk, E. V. (2016). *The category of futurity in the German language: monograph*. Arkhangelsk: SAFU. 152 p. ISBN 978-5-261-01167-5. (In Russ.).
- Bodnaruk, E. V. (2018). Future tense and means of its explication in German. *Bulletin of Tomsk State University*, 53: 32—47. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (1971). *The type and tense of the Russian verb (meaning and usage)*. Moscow: Prosveshchenie. 239 p. (In Russ.).
- Duden. (2006). *Die Grammatik*. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag. 1343 S. ISBN 9783411040476. (In Germ.).
- Durnovo, N. N. (2000). *Selected works on the history of the Russian language*. Moscow: Languages of Russian Culture. 780 p. ISBN 5-7859-0097-1. (In Russ.).
- Eichler, W., Bünting, K.-D. (1996). *Deutsche Grammatik. Form, Leistung und Gebrauch der Gegenwartssprache*. Weinheim: Beltz Athenäum Verlag. 313 S. (In Germ.).
- Glovinskaya, M. Ya. (2001). *Polysemy and synonymy in the species-time system of the Russian verb*. Moscow: "Azbukovnik". 320 p. ISBN 5-93786-020-9. (In Russ.).
- Hall, E. T. (1959). *The silent language*. Garden City; New York. 240 p.
- Hall, E. T. (1976). *Beyond Culture*. Garden City; New York: Anchor Press. 298 p.
- Heinold, S. (2015). *Tempus, Modus und Aspekt im Deutschen*. Tübingen: Narr. 198 S. ISBN 978-3-8233-6867-0. (In Germ.).
- Hoffmann, L. (2016). *Deutsche Grammatik*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. 647 S. ISBN 9783503170524. (In Germ.).
- Ilyinskaya, E. A. (2017). *The image and concept of time as factors of genesis and dynamics of cultural systems*. Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 41 p. (In Russ.).
- Knyazev, Yu. P. (2014). The impact of reference to the future on the opposition of species in the Russian language. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 10 (2): 43—70. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2005). *History of the Russian language*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; Moscow: Academy. 672 p. ISBN 5-8465-0174-5. (In Russ.).

- Kulikova, L. V. (2020). *Communication. Style. Interculture: pragmalinguistic and cultural-anthropological approaches to intercultural communication*. Moscow: INFRA-M; Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 268 p. ISBN 978-5-7638-2183-3. (In Russ.).
- Latzel, S. (2004). *Der Tempusgebrauch in deutschen Dramen und Hörspielen*. München: IUDICIUM. 139 S. ISBN 3891297963. (In Germ.).
- Leiss, E. (1985). Zur Entwicklung des neuhochdeutschen analytischen Futurs. *Sprachwissenschaft*, 10 (3/4): 250—273. (In Germ.).
- Pospelov, N. S. (1955). Direct and relative use of the forms of the present and future tense of the verb in the modern Russian language. In: *Research on the grammar of the Russian literary language: a collection of articles*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 206—246. (In Russ.).
- Rothstein, B. (2013). Doppeltes Futur im Deutschen? Ergebnisse aus einem Kurzfragebogen. *Deutsch als Fremdsprache*, 4: 215—221. (In Germ.).
- Schmidt, W. (2004). *Geschichte der deutschen Sprache*. Stuttgart: S. Hirzel Verlag. 410 S. ISBN 3-7776-1277-4. (In Germ.).
- Shtreker, N. Yu. (2005). *Modern Russian: Historical commentary*. Moscow: Academy. 240 p. ISBN 5-7695-1837-5. (In Russ.).
- Sonderegger, S. (2003). *Althochdeutsche Sprache und Literatur*. Berlin, New York: W. de Gruyter. 390 S. ISBN 3-11-017288-7. (In Germ.).
- Thieroff, R. (1992). *Das finite Verb im Deutschen: Tempus — Modus — Distanz*. Tübingen: Narr. 316 S. (In Germ.).
- Ultan, R. (1978). The nature of future tenses. *Universals of human languages*, 3: 83—128.
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russian language*. Moscow: Russian Language. 720 p. ISBN 5-200-03017-X. (In Russ.).
- Welke, K. (2005). *Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems*. Berlin; New York: De Gruyter. 522 S. ISBN 3-11-018394-3. (In Germ.).
- Zhirmunsky, V. M. (2015). *History of the German language*. Moscow: URSS. 416 p. ISBN 978-5-9710-1655-7. (In Russ.).